

Клубничка. — 1994. — 15 окт. — С. 9.

ТВ: ДВОЕ В КАДРЕ

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Телевидение наше, наверное, куда проще ругать, чем хвалить — что и делают с переменным успехом те, кто о телевизионных передачах говорит и пишет. Но данность есть данность: мы куда ре-

же стали ходить в театры и кино, на выставки и концерты, все чаще отдавая свой досуг голубому (вернее — в основном уже многоцветному) экрану.

Правда, в последнее время не смотрят все подряд: слишком многое раздражает. Верные зрители выбирают те или иные передачи по тому или иному каналу и на какое-то время погружаются в них. Пока не надоест. Впрочем, кому отдать пальму первенства — вычленив довольно сложно, потому что нередко самые различные передачи становятся схожими, словно близнецы.

Казалось бы, что общего между Владиславом Листьевым и Андреем Карауловым? Оказывается, очень многое. Я не собираюсь делать обзор их передач, просто случилось так, что встреча в студии Листьева с Людмилой Гурченко, а затем с Евгенией Альбац наложились в восприятии на встречу Андрея Караулова с Виталием Виленкиным.

Что такое «Час пик»? Наверное, некий срез жизни человека, уподобленный невольной остановке в толчее и суете. Ожидание автобуса, например, который с минуты на минуту придется брать с бою, отдаленные новые туфли, оторванные пуговицы — кусочек жизни, наполненный раздражением, выплеском энергии. Неред-

ко после этого становится стыдно... В этом смысле две передачи Владислава Листьева полностью соответствуют своему названию и были между собой предельно схожи; только в одном случае стыдно стало за ведущего, в другом же — и за него, и за «допрашиваемого». Это не оговорка — «имидж» Листьева, как модно сегодня говорить, ассоциируется с эстетикой следствия: пристальный взгляд, отрывистость вопросов, почти голливудский прищур детектива частного агентства, узорчатые подтяжки на белой рубашке, очевидно, призванные продемонстрировать свободу и раскрепощенность обстановки.

Преследует чувство, что Листьев пытается постоянно провоцировать своих гостей на какую-то «клубничку» — все равно, личного характера или, что называется, общественного. Потому он с пристрастием допрашивает Людмилу Гурченко, удивительно фальшиво и наигранно выглядящую на этот раз на экране, насколько помогает ей чувство влюбленности сниматься в кино, а пылливый взор так и вливается в актрису, словно принакает к щелчке соседской двери. Потому и называет Гурченко (с некоторой,

правда, запинкой) Люсей, не смотря на то, что скоро мы отметим юбилей не юной уже актрисы. Потому в разговоре с журналисткой Евгенией Альбац Листьев, обсуждая проблемы антисемитизма в нашей стране, дотошно выспрашивает: «А где, когда на вас орали? Мужчины или женщины?» — словно это самое что ни на есть главное. А когда Евгения Альбац (к слову сказать, она выглядела в передаче куда умнее и интереснее своего собеседника) говорит, что, на ее взгляд, негоже было Президенту страны «отмечаться» на выставке Ильи Глазунова, Листьев, как будто не понимая всей неуместности и неумности своей реплики, замечает: «Я тоже был на выставке Глазунова...».

И вот, не успев откипеть и перегореть по поводу этих внимательных встреч, я однажды включила телевизор на «Моменте истины». Наверное, сама судьба повернула ручку переключения программ, ибо передо мной предстал тот же Листьев (только в пиджаке и в уютной домашней обстановке собеседника). Я давно не смотрела передачи Андрея Караулова, но в сравнении бросились в глаза тот же присталь-

но-острый, допрашивающе-недоверчивый прищур следователя, казенные фразы, попытка все свести к «клубничке» — на этот раз откровенно политического характера.

Что есть «Момент истины»? Наверное, некий срез жизни человека, когда он остается один на один с самим собой. Собеседники тут, скорее всего, излишни. Если же Андрей Караулов таким собеседником рвется быть, вправе ли он ожидать, что истина захочет обнажаться под градом часто бестактных вопросов?

Профессор Виталий Яковлевич Виленкин, человек умнейший, деликатнейший, вызвал в этой передаче и огромное уважение, и... некоторое недоумение. О чем ему, право, говорить с бывшим театроведом, позволяющим себе задавать такие, например, вопросы: «Удачен ли был брак Чехова с Ольгой Леонардовной?», «Я хотел спросить вас об антисемитизме во МХАТе...», «Ну а как быть с неотмоленными грехами Станиславского и Немировича-Данченко, ведь они есть?», «Как пили в прежние времена, больше или меньше, чем сейчас?», «Наверное, вы, как все умные люди, понимали, что Сталин — палач... И не было ни одного самоубийства по причине, что так жить нельзя...»

Продолжать можно долго, все-таки передача длилась почти час, но зачем? По одним перечисленным вопросам виден «уровень». Не только театроведческий (на часть этих вопро-

сов можно было при желании получить ответ на первом курсе), но, что гораздо важнее, человеческий, личностный.

Почему человек, перешагнувший порог своего восьмидесятилетия, должен отвечать на откровенно глупые вопросы типа «Пастернак был гениален во всем или только в работе?» и перебивать свои замечательные воспоминания о том, как Ольга Леонардовна Книппер-Чехова указала Пастернаку на ошибку в переводе «Фауста», чтобы вспоминать, «получилось ли у Качалова дружить с Пастернаком»? Почему, наконец, Караулов считает себя вправе прийти к старому, уважаемому профессору с вопросом, отчего он не покончил с собой, поняв, что Сталин — подлец и палач? Где границы нравственности, человечности? А почему, коли на то пошло, не покончил с собой сам Андрей Караулов, ощущая душную атмосферу 70-х годов? Ведь не ребенком уже был, мог бы самосжечься на Красной площади в знак протеста, а не делать карьеру именно в эти годы...

Но не в этом суть, не в этом. Не в Листьеве и Караулове, не в других ведущих, что приглашают к своему допросу людей разных профессий и возрастов. Их передачи — малоудачные кальки того, что начинал некогда Урмас Отт. Но Урмас Отт был блестящим собеседником, умел к каждому найти свой ключ. Отт делал свои передачи увлекательным знакомством с личностью, когда человек даже

сам не успевал понять, насколько раскрылся, насколько сокровенные мысли выложил. Иногда и ненароком. Ведь сколько лет уже прошло с момента встречи Урмаса Отта с Ильей Глазуновым — а передача помнится до сих пор. И, вспоминая ее, невольно улыбаешься, слушая нынешние откровения модного живописца...

Наверное, на все мои риторические вопросы можно было бы легко ответить несколькими цитатами — они прозвучали в передаче Караулова как подлинный, хотя и «побочный» момент истины, раскрытия главного. Виталий Яковлевич Виленкин вспомнил фразу Немировича-Данченко, огорченно заметившего актерам: «Нутра в вас мало, а мастерства много...». Не могу с чистой совестью сказать, что в почти различных передачах «Час пик» и «Момент истины» так уж много мастерства — куда там, раз нет элементарной этики, понимания своего места в жизни и в искусстве? Но уж про нутро — это в яблочко!

И еще одна цитата. На этот раз из письма Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой к брату, написанного в 1905 году: «Не принимай буржуинного в искусстве...». Прошло почти девять десятилетий — приняли все: в образе жизни, в искусстве, в стремлениях. Не потому ли в таком дефиците «нутро»?..

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ.